

***ВИКТОР
ФРОЛОВ***

ТУРИСТЫ

Виктор Фролов

Туристы (сборник)

«Литературная Республика»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фролов В. Г.

Туристы (сборник) / В. Г. Фролов — «Литературная
Республика», 2016

ISBN 978-5-7949-0556-4

«Для русской литературы правда жизни была и остается неоспоримой ценностью. Такова и книга Виктора Фролова „Туристы“. Она вобрала в себя разнообразные спектры нашей жизни от веселых 60-х до лихих 90-х. Сборник рассказов имеет точное, соответствующее внутреннему замыслу название. Его герои не обременены земным тяготением. Они путешествуют по жизни, не принуждая себя к поиску смыслов бытия...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0556-4

© Фролов В. Г., 2016
© Литературная Республика, 2016

Содержание

Странники бытия	6
Ветеран	8
Self-made-man	14
Торговка	18
Варфоломеич	23
Туристы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Фролов

Туристы

* * *

© Московская городская организация Союза писателей России, 2016

© НП «Литературная республика», 2016

© Фролов В., 2016

Странники бытия

О новой книге Виктора Фролова «Туристы»

Несообразность и парадоксы нашего бытия хлынули и в современное литпространство. Не вчера ли отменили некое «крепостное право» и литература вырвалась на широкую дорогу греха? Литераторы либерального толка ринулись живописать оттенки серого и голубого, чтобы засветиться в гламурном формате. А иначе не будет пиара, который им замена счастья и брэнной славы.

Но ничто не ново под луной. Не об этом ли писал литератор, а по службе цензор (при этом слове иной писатель вздрогнет от негодования, а напрасно) А. В. Никитенко в 1872: «Нам теперь нужна немножко хмельная и очень растрепанная и косматая проза, откуда бы, как из собачьего зева, лился лай на всё прекрасное и на всякую правдивую мысль». Так это же о грядущих либеральных русскоязычных хамах, заполонивших сегодня своим рукодельем полки книжных магазинов.

Для русской литературы правда жизни была и остается неоспоримой ценностью. Такова и книга Виктора Фролова «Туристы». Она вобрала в себя разнообразные спектры нашей жизни от веселых 60-х до лихих 90-х. Сборник рассказов имеет точное, соответствующее внутреннему замыслу название. Его герои не обременены земным тяготением. Они путешествуют по жизни, не принуждая себя к поиску смыслов бытия. И если герой рассказа «Ветеран», судя по всему, «афганец», привязан к родному порогу, то другие ощущают себя «туристами» на родной земле. Обстоятельства ли, среда ли заела, но они не вольны над неосязаемой рутиной причин и следствий.

Одно из многих достоинств книги – женские образы.

В рассказе «Self-made-man» типичная история 90-х. Семиклассница Татьяна уходит из семьи работяги-пьяницы отца. Обстоятельства проявляют в ней волю и упорство. Она продвигается по житейской лестнице от фасовщицы кооператива до руководителя департамента заграничной недвижимости.

Но в этой гонке за лучшей участью и красивой жизнью и став «бизнесвумен», Татьяна теряет бесценные женские качества – теплоту и душевность. Муж-писатель нужен ей для антуража и делового комфорта. Но настоящего женского счастья она так и не обрела. Автор нарисовал портрет внешне успешной героини. Но по стилю рассказа, по недоговоренности, так необходимой для этого жанра, участь её незавидна.

Автору удалось создать драматичный образ современной русской женщины – судьба, которой полностью зависит от обусловленных жизнью обстоятельств. Татьяне предстоит деловая поездка в Малагу. И она, по сути, тоже турист. У неё всего четверть часа, чтобы успеть укрыть пледом мужа и полюбоваться красотой зимнего сада.

В рассказе немало говорящих узнаваемых эпизодов из контекста «дикого капитализма». Так, например, тетка подруги героини бросает нищий институт и вынуждена стать риелтором.

Над героями рассказов тяготеет неуловимая бесцельность бытия.

Колоритны образы тех героев, кому выпала судьба жить в переломное время. Неприкаянный художник «вольный такой-то», как он себя называет, отпал от семьи и прислонился к торговке Наталье. Рисует русалок, а та приторговывает ими. Вспомнил он о своем сыне, но тот не захотел знаться с «папаней». Как и у других персонажей, у «Айвазовского», так зовут его собутыльники, нет контактов ни с родным сыном, ни с окружающими, которые его терпят то ли из жалости, то ли из милости. Так и пропадает человек в плену полного равнодушия близ находящегося мира.

В своих рассказах Виктор Фролов создал галерею типов людей, брошенных на произвол судьбы. «Жизнь задыхается без цели» – писал в свое время Достоевский. Следуя классической традиции русской литературы, Виктор Фролов защищает «маленького человека». Автор видит в этом большую драму современного русского человека, лишенного веры и внутреннего самостоянья. Тема одиночества обретения себя присутствует во всех рассказах сборника. Его герои дороги нам тем, что они воплощают образ уходящей «эпохи» лихих 90-х. Они долго еще будут жить с читателем, напоминать нам о суровой истории страны.

Круг характеров, диапазон их художественного осмысления у Виктора Фролова весьма широк: от одинокого «бобыля» Варфоломеича, ставшего от своего одиночества мужчиной-философом, до легкомысленных студентов и криминальных авторитетов («Командировка»).

В. Фролов мастерски владеет жанром рассказа. В «Варфоломеиче» автор использует прием «рассказ в рассказе», что большая редкость в современной литературе. История героя о своей жизни перевернула мировосприятие случайного прохожего Игорька.

В рассказе «Туристы» трое одноклассников рванули в Анапу. Там они обдумывают свою судьбу после школы. Мечты заносят их в безоблачные пределы. На то она и юность...

Не обычна интрига рассказа. Николай, Борис и Игорь в Анапе получали записки от незнакомок подписавшихся «К. Ю. И.» Так и не разгадав инкогнито, они разъехались. И вот годы спустя трое друзей встречаются на ВДНХ. Разгадка ждала их два десятка лет. Николай женился на одной из Коалиции Юных Интриганок. Но житейский смысл рассказа в ином. Друзей, некогда вместе мечтавших о высоком, «новая жизнь» разнесла по другим высотам. У них изменилась философия жизни. Они мечтают уже не о пользе, которую хотели некогда приносить стране, а о своем «дельце», предпринимательстве. Но что-то живое и чистое осталось у них от советских времен. Очень точно определил их состояние один из героев: «Кто мы с вами други, по своей сути? Да, ясно же – туристы. Без руля и ветрил плывём, куда кривая выведет...»

Герои Виктора Фролова из нашего смутного времени, без почвы, без корней.

Книга Виктора Фролова – это «картинки с выставки» тревожной русской жизни. Его герои – странники, они в дороге, но найдут ли они путь к себе?

На этот вопрос автор и предлагает найти ответ читателю.

Алексей Агафонов,
кандидат филологических наук

Ветеран

Неожиданное появление секретарши директора у закутка охраны в проходной удивило его. Не по возрасту надменная девица, всем своим видом выражая недовольство обстоятельством, заставившим спуститься с третьего этажа, где располагались кабинеты заводского руководства, проскрипела с раздражением, глядя поверх его головы:

– Срочно поднимись в приёмную! Звонят из Москвы. И кому-то ты там вдруг понадобился!?

Удивлённо подняв бровки домиком, сказала, как выстрелила, отделяя короткие фразы одну от другой неглубокими вздохами, как это делают запыхавшиеся от быстрой ходьбы или без меры раздражённые люди. Всё-таки любопытство взяло верх над снисходительностью по отношению к едва ли не самому малозначимому работнику предприятия. Часто-часто стуча каблучками по керамическим плиткам пола, барышня засеменила следом, стараясь не отстать и не пропустить какого-нибудь важного эпизода неординарного события.

Однако те несколько скупых фраз, которыми седоволосый моложавый сторож отвечал невидимому собеседнику, разочаровали, ничуть не прояснив ситуацию.

– Ну, хорошо, буду, – бесцветным тоном завершил разговор мужчина, выслушав собеседника, и, недоумённо пожав плечами, положил трубку...

На самом же деле, звонок из Москвы глубоко взволновал его. Звонили из легендарной организации, чьё местоположение на улице, названной в честь советской лётчицы, командовавшей в годы войны авиационным полком дальнего действия, было хорошо ему известно.

– Ну, здравствуй! Надеюсь, узнаёшь начальника? – басил в динамику трубки знакомый голос. – Как ты там у себя в Залужске, мхом ещё не покрылся? Хватит дурака валять, дело для тебя есть. Думаю, за новостями следишь, поэтому догадываешься, где именно предстоит поработать. Так что сворачивайся там, не медля, и завтра с утра будь у меня. Всё, до встречи.

Сознавая, что возражения не принимаются, он, тем не менее, отлучился в обеденный перерыв с поста и, найдя укромное местечко за пределами заводской площадки, у чахлого сквера, что перед фасадом административного корпуса, набрал на клавиатуре мобильного знакомый номер:

– Дело в том, Тихон Евстигнеевич, что проживаем мы с женой в заводском общежитии, из которого её после моего сегодняшнего увольнения незамедлительно выселят. Оставлять же Антонину на постое в чужом доме мне бы не хотелось. Есть какие-нибудь варианты?

На московском конце провода натужно засопели, потом проворчали что-то в том плане, что некстати заведённые семьи служат лишь обузой специалистам в определённых областях и головной болью для их командиров. Однако, после недолгих раздумий, дали указание зайти в городскую администрацию, куда немедленно будут переданы соответствующие распоряжения.

* * *

... Заместитель главы города, ведающий, в том числе, и жилищными проблемами, не старый ещё суетливый человек в дорогом костюме, прикрывающий раннюю лысину прядью зачёсанных с затылка волос, небрежно указал ему на стул, предназначенный просителям.

– И что они там, в столице, себе думают? С горем пополам получаем в своё распоряжение не больше десятка новых квартир в год. А очередников знаете сколько? Нет? Вот и хорошо, что не знаете, а то бы рухнули от изумления.

Ладно, тут вот, кстати, освободилась комната за выбытием жильца. Да, умер дедушка. Одинокий был. Но, сразу хочу предупредить, не хоромы, далеко не хоромы! Чтобы без претензий.

А, впрочем, пожалуйста, жалуйтесь, другого всё равно ничего нет. По-моему, в качестве временного жилья вполне сойдёт...

Выправив необходимые бумаги, что на удивление, заняло не более часа, он отправился в городскую поликлинику, где супруга работала участковым терапевтом. По дороге подбирал слова, как объяснить Антонине необходимость своего внезапного отъезда. Ведь несколько лет тому назад, вернувшись, можно сказать, что из небытия, он зарочно обещал больше не оставлять её, навсегда покончить с той клятой профессией, которая послужила причиной резких перемен во всём устройстве их, казалось бы, налаженной и стабильной жизни.

И опять слова не сдержал! Что поделаешь, когда-то по собственной воле он выбрал одну из тех немногих сфер деятельности, которые отпускают лишь уходящих в вечность. Не ему ли предстоит туда дорога на этот раз, кто знает. Впрочем, острота дурных предчувствий с годами как-то притупляется, уступая место осмотрительности и твёрдому расчёту. От приобретённого опыта, должно быть...

* * *

Неплохо ориентируясь в хитросплетениях улиц и переулков городка, в котором она провела детские годы, Антонина привела мужа с двумя большущими сумками в руках по названному им адресу к двухэтажному барaku довоенной постройки. Наугад вдавила одну из кнопок многочисленных звонков, бессистемно разбросанных по косяку двери квартиры в первом этаже.

На трель из-за приоткрывшегося проёма высунулась старушечья голова, покрытая, несмотря на тёплую июньскую погоду, серым пуховым платком. Не подавая голоса, женщина вопросительно оглядела незнакомцев, не торопясь впустить.

Отыскав взглядом место почище на деревянном полу, он поставил свою ношу и показал старухе полученный в администрации документ:

– Позвольте войти! Покажите комнату, которая свободна, мы ваши новые соседи!

Скользнув недоверчивым взглядом по бумаге, на которой в сумраке вестибюля она вряд ли смогла разглядеть что-либо, кроме жирно выделявшейся синим цветом печати, старуха, тем не менее, попятилась и освободила пришедшим проход внутрь квартиры.

– Вот она комната, первая от входа, – указала она на фанерную дверь с левой стороны коридора. Тут Фаддеич новопреставленный проживал. Теперь вы, стало быть, ему на смену заселитесь...

* * *

Комната оказалась не такой уж и маленькой – четыре на пять шагов, вытянутая в сторону окна с шелушащейся краской на переплёте и пыльными стёклами. Узкая железная койка, пара разнокалиберных табуретов, да фанерный двустворчатый шкаф составляли убогий интерьер. По обрывкам тряпья и клочкам бумаги на полу можно было безошибочно судить о произведённом кем-то из соседей доскональном обследовании имущества усопшего.

Сдёрнув на пол с постели мятую простыню, обильно расцветченную ржавыми пятнами, на которую не покусился и самый небрежливый обитатель квартиры, он выгреб на неё остатки содержимого шкафа, свернул узлом, вынес на помойку. Туда же отправил и тощий матрас с бесформенной от длительного использования подушкой.

Пока муж расправлялся со стариковским наследством, Антонина разжигалась у соседки жестяным ведёрком, тряпкой и, подоткнув юбку, привычно принялась за уборку, начав с заваленного окурками подоконника. Он же, распаковав один из принесённых व्यюков, сновисто застелил постель, потом, взгромоздясь на табурет, показавшийся наиболее надёжным, приладил под потолком небольшой абажур.

Часа не прошло, как комната преобразилась и обрела более или менее обжитой вид. На электроплитке, распространяя аппетитный запах, зашкварчала сковорода с покрывавшимися золотистой корочкой ломтиками картофеля.

Потушив свет, муж и жена, прижавшись друг к другу, молча сидели на прогнувшейся под их весом сетке кровати. В такую минуту слова были бы лишними. Они без дежурных фраз знали о чувствах друг друга. Оба сознавали, что ему предстоит через день-другой перенестись за сотни, а то и за тысячи километров от этого городка, бывшего для неё когда-то родным, подзабытого в столичной суете, а теперь, спустя много лет, нагадано-нежданно принявшего их, переживших множество разлук, встреч, обретений и тяжёлых потерь.

Он, примерно представляя, в каких краях надлежит провести неисчислимое заранее количество дней и ночей, внутренне собирался, сосредотачивался, настораживался как выходящий на охоту зверь. Она, не утирая набежавшие слезинки, с безысходностью принимала близящуюся разлуку с родным человеком, Бог весть, сколь долгий период одиночества без возможности поделиться с ним наболевшим, написать, позвонить предстоял ей. Даже в эти мгновения, готовясь, уже в который раз, существовать в постоянном тревожном ожидании, укрепляя себя верой в его благополучное возвращение, она не позволяла взять верх искушению и, вцепившись в мужа, завывать по-бабски: «не пущу!», но нашла в себе силы улыбаться сквозь слёзы, напутствуя:

– Я знаю, ты справишься. Ты у меня сильный. Не тревожься за меня, любимый, я тоже всё выдержу. Знай, буду ждать тебя, не смотря ни на что!

Прощание не было долгим. Также молча, не отрывая друг от друга глаз, поужинали. Встав из-за стола, он крепко обнял Антонину, перекинул через плечо ремень сложенной загодя дорожной сумки и, решительно затворив за собой дверь, размеренно зашагал к вокзалу, где уже поджидала пассажиров светящаяся окнами ночная электричка...

* * *

Сутки спустя, вырвавшись из пригородной толчеи, по вечернему шоссе в сторону Залужска, не признавая правил движения, мчалась автомашина. Он сидел рядом с водителем, молодым разбитным парнем, отлично знающим своё шоферское дело.

– Извини, Павел, что заставил тебя сойти с маршрута. Только невмоготу мне, понимаешь! Никогда ничего подобного не позволял. Работа – она всегда работа. Уходил спокойно. Возвращался в приподнятом настроении. Теперь тревожно как-то на душе. Кураж, что ли, потерял. Скверно это, особенно в нашем деле, сознаю. Но ничего с собой поделаться не могу. Свербит в мозгу, что необходимо ещё раз увидиться с супругой перед отъездом, и всё тут!

– Не переживайте, товарищ полковник! Семь вёрст – бешеной собаке не крюк! Приехал-то я за вами, как что предчувствовал, малость загодя установленного времени. Нагоним в пути. На «точке» вовремя будете.

Прекратив разговор, он прислонился лбом к стеклу и зажмурил глаза. В памяти пронеслись едва не ставшие для него роковыми события предыдущей экспедиции. Предательство человека, которого он многие годы полагал своим другом, гибель товарищей, плен, пытки, затем полтора года подневольного унижительного труда на местного князька без возможности передать весточку близким. Потом удавшийся побег, месяц скитаний впроголодь на чужбине и, наконец, возвращение домой.

Радость от встречи с женой омрачилась известием о похищении неизвестными единственным сына-школьника. Вероятно, то была расплата за его, обогранный вражеской кровью, побег из неволи. «Те» подобного самоуправства не прощают! В милиции, куда они с женой обратились с просьбой помочь в поисках пропавшего ребёнка, не то, что намекнули, а прямо так и заявили: «думать надо было раньше о безопасности семьи, полковник!»

Как в тумане прошли тяжёлые в их жизни полгода в ежеминутном ожидании известий о судьбе сына. Но их не было. Никто не звонил с требованием выкупа. Тогда он и подал рапорт об оставлении службы. Ни на какие уговоры и посулы начальства не поддавался. Сказал – как отрезал.

Жить в доме, где всё напоминало об исчезнувшем мальчике, сделалось невмоготу. Они с супругой решили продать квартиру и уехать из города. Куда, долго размышлять не пришлось, да и не то было у них на то настроения. Выбрали Залужск, где у Антонины уже не осталось родни, а, значит, не следовало отвечать на расспросы, принимать соболезнования и ловить на себе сочувственные взгляды. В тяжёлые дни требовалось побыть наедине с бедой, поддерживая друг друга и полагаясь на народную мудрость, будто время – лучший лекарь.

Проблем с трудоустройством на новом месте не возникло. Антонину, как столичного специалиста, да ещё с кандидатской степенью, с готовностью приняли в городскую поликлинику. Ему же, как бывшему офицеру, предложили одну из руководящих должностей в охране завода – градообразующего предприятия городка. Он, однако, отказался, сославшись на полученные ранения и накопленную за годы службы усталость, и оформился простым контролёром. Так-то оно было и лучше: отстоял смену – и вольный казак на трое суток. Как семейному, ему выделили вполне приличную комнату в заводском общежитии.

И вот теперь по его милости разрушалось их, устоявшееся на новом месте бытие. Антонина снова остаётся одна. На долго ли? Кто знает! Ради нестерпимого желания увидеть, ещё раз обнять жену перед командировкой, он позволил себе такое небывалое ранее самовольство: гнать машину за сто вёрст в противоположном от места назначения направлении. Пусть! Он стиснул зубы и открыл глаза. Смеркалось. По ряду примелькавшихся дорожных отметин определил, что подъезжают к Залужску.

* * *

Павел, заручившись заверением пассажира вернуться спустя пять минут, остановил автомобиль в указанном ему месте, за квартал от нового жилища Антонины. К дому решил пройти пешком, чтобы не смущать его любознательных обитателей. Приближаясь, задумался: сколько раз и в какой звонок позвонить? Жильцов много, у каждого свой сигнал, а тревожить чужих людей вечерней порой не хотелось. Решил, что стукнет в окно, благо – дотянуться не проблема.

Подойдя к бараку, увидел: окно комнаты жены, единственное в первом этаже, ярко освещено. Поднялся на цыпочки, подтянувшись за отлив окна, заглянул внутрь. Увиденное не столько удивило, как озадачило: вокруг откуда-то принесённого овального стола сидела масса неведомого ему народа. Странно, никогда жена не была склонна затевать застолья!

Легонько постучал по стеклу костяшками пальцев. Антонина, сидевшая спиной к окну, обернулась, и, узнав мужа, удивлённо всплеснула руками. В чём была, выбежала к нему во двор.

– Да ты что, в одном платье – вечерок-то прохладный!

– Не страшно, не замёрзну, ты ведь рядом! А я решила, уехал уже!

– Неужто, так обрадовалась, что отпраздновать впору? – грустно усмехнулся он.

– Как тебе не стыдно такое обо мне подумать! Пойдём к столу! – потянула Антонина мужа за рукав.

– А к месту ли я буду?

– Ну вот, опять ты за своё! Идём, идём! Это соседи настояли. Говорят, положено с новосельем проставляться, чтобы чего дурного не вышло. Станешь тут суеверной с твоей-то службой! Вот и пришлось сообразить на скорую руку. Хорошо, соседка, Таисия Петровна, помогла. Помнишь, та старушка, что нам дверь отперла давеча?

Он с неохотой вслед за женой вошёл в душную комнату. Потоптался у порога, пока супруга усаживалась на прежнее место. Оглядел присутствующих профессиональным взглядом, точно оценивая: откуда может грозить опасность.

Рядом с женой, по правую руку – старушка, верно, та самая Таисия Петровна, снявшая ради праздничка с головы пуховый платок, в котором встречала их днём на пороге. Слева – патлатый подросток, лет четырнадцати, стоит на коленях на стуле вполоборота к Антонине и не сводит с неё восхищённых глаз. Военный неопределённого возраста в форме. Рядом с ним – женщина с невымытыми волосами и унылым лицом, вероятно супруга военного. Три старушки, чем-то похожие одна на другую, наверное, любопытством, с которым беззастенчиво разглядывали вошедшего, жались на скамейке. Мужичок с опухшей физиономией, лиловым носом и небритыми скулами. Глядит исподлобья, но нагло. Кудрявый розовощёкий крепыш с самоуверенным видом первого любовника.

Публика, одним словом, не вызвала симпатии, но отступить было непривычно.

– Здорово бывать честной компании! – процедил он сквозь зубы негромко, но внятно. – Вот, уезжаю я на время, а супругу свою оставляю здесь. Признаюсь, с нелёгким сердцем оставляю. Непривычна она к такому коммунальному житью-бытью. Потому, предупреждаю: обидит кто в моё отсутствие, пускай пеняет на себя. Не пощажу! И казнить стану долго, мучительно.

– А сможешь ли? – задорно выпалил розовощёкий неожиданно звонким мальчишечьим голосом, окинув взглядом сухопарого гостя. – Не сдрейфишь?

– Так его, Петька, по нашенски срезал, – легонько ткнул того в бок костлявым кулаком уважительно и в поддержку алкаш.

Желваки заходили у вошедшего на скулах. Пристально глянув в глаза крепышу, так же тихо, но более весомо ответил:

– А в этом, мил человек, не сомневайся. Вот ты, конечно, ежели и видел когда, то киношную инсценировку того, как с живого человека кожу снимают, вроде как шкуру с барана. Мне-то взаправду довелось глядеть на такое, что и врагу не пожелаю. А вокруг зрители плятятся – добрая сотня старух, стариков, да детей из аула. Не просто наблюдают, а одобрительными криками раззадоривают палача, в мягких сапогах размеренной кошачьей походкойдвигающегося вокруг жертвы с окровавленным ножом в руке...

– А что, смельчаков выручить болезного среди вас, наблюдателей, не нашлось, – прервал кучерявый задиристо.

– То-то и оно, что некому было выручить. Не в фильме дело происходило, не имелось такой возможности.

В глазах у него потемнело от нахлынувших воспоминаний, которые с тех, давно прошедших дней войны, не отпускают, не уходят из ума.

Как лежал он, избитый и спелёнатый по рукам и ногам, привалясь спиной к камню, плача в бессильной злобе и тоске, закрывая глаза, чтобы не видеть, как бандит режет привязанного меж двух деревьев с седыми, точно дорожная пыль, стволами и чахлой, пожухлой от жары листвой, старшину Шелудченко. Почему именно тому выпала страшная участь? Наверное, крепче был сложен, вот и выбрали его, решили покуражиться, свою власть показать, а других утрашить.

Только вышло оно наоборот. Не страх, а ненависть разожгли в его сердце небывалую. Таковую, что, как бы освободился, зубами бы грыз всю эту бандитскую свору вместе с отцами

их, матерями и детишками лишь за то, что те, пританцовывая и цокая языками, глядели на супостатство и не пресекли его. Не мог он слышать с тех пор гортанной речи, закипала кровь. А когда снились горы, шарил вокруг себя в ночной тьме, искал автомат и с криком просыпался, пугая жену. Эх, как понимал он в такие минуты того танкиста, гвардии полковника, которого предала власть суду в угоду трепачам-правозащитникам!

Поняв состояние мужа, поднялась со стула Антонина. Подошла, взяла за руку, усадила на освободившуюся враз скамью. Сама рядом примостилась, склонила голову ему на плечо и гладила по щеке, успокаивая, как дитя.

Сообразили тут гости, что лишние они, надо оставить хозяев наедине. Первым поднялся военный, потянул за собой к двери подростка и жёнку, упирившуюся и с разинутым ртом глядевшую на непонятую ей сцену семейной идиллии:

– Пошли мы, бывайте хозяева, как говорят, здоровы. Никого мы тут не обижали да и обижать не собираемся!

Следом, шурша длинными юбками, цугом выскользнули за дверь старушки. Сперев под шумок со стола недопитую поллитровку, нетвёрдой походкой удалился пьянчуга. Кучерявый крепыш, ссутулился, будто сдувшись, последним скрылся за дверным проёмом.

Но его в эту минуту уже не заботили чужие люди. Рядом находилась та, дороже и ближе которой никого не было у него на свете. Им предстояла разлука. Впереди маячила неизвестность. Дорога, о которой заждавшийся водитель требовательно возвестил клаксоном подъехавшей к дому машины, вела далеко от дома. Оба знали, что обратного пути ему может и не выпасть. Но по русскому обычаю обнялись у порога и, троекратно поцеловавшись, едва слышно пожелали друг другу: «до свидания»...

Self-made-man

Опять Максим накурил в кабинете! Вероятно, работал всю ночь. Тихонько, стараясь не потревожить мужа, спящего прямо в одежде на диване, Татьяна прошла к окну и приоткрыла его, чтобы немного выветрился табачный дух. Сама она не курила уже добрый десяток лет, но к привычке Максима относилась терпимо: пусть себе, если это помогает ему в работе над рукописью. Не обладая привычкой к чтению, ограничиваясь на досуге просмотром «глянце-вых» журналов, Татьяна мало интересовалась писаниями мужа. Да и вряд ли ей достало бы терпения разбираться в хитросплетениях сконструированных им сюжетных линий. Выбирая в мужа писателя, она заботилась, прежде всего, о возможности позиционировать себя в круге общения не только специалистом высшего уровня иерархии, каковым она по праву числилась в сфере профессиональной деятельности, но и супругой творческого работника.

С улицы вкусно потянуло морозным воздухом. Татьяна прикрыла ноги мужа пледом и решила выйти на крыльцо, окунуться в холодок непривычно затянувшегося сегодня домашнего зимнего утра. Спустилась в холл, накинула на плечи предназначавшуюся для прогулок бежевую шубку из стриженной норки и затворила за собой входную дверь.

Над тёмными кронами бора, что начинался через дорогу за оградой, сквозь белую пелену проглядывал по-февральски холодный диск солнца. На ветках куста калины, растущего возле ворот, сутилась стайка красногрудых птах, покинувших в поисках пропитания место своего постоянного проживания в ближайшем ельнике. На суку высоченной сосны, обрушив снежную шапку, мелькнул длиннотелый зверёк в рыжевато-серенькой шубке. На мигновенье застыл, высунув из-за ствола черноглазую кругленькую головку с кисточками на концах длинных ушек, затем, не страшась высоты, прыгнул в снег, направляя полёт пушистым хвостом, и исчез за беседкой. На снегу осталась лишь дорожка белчих следов. Наученная мужем, Татьяна хорошо знала, как они выглядят: рядом поставленные точки от передних лапок и разнесённые в стороны длинные, вытянутые штрихи с отпечатками тонких пальчиков от задних.

Воспользовавшись возможностью, вероятно, в первый раз этой зимой, четверть часа полюбоваться первозданностью зимнего убранства участка, женщина вернулась в дом и, поднявшись на второй этаж в свою спальню, принялась складывать в кофр необходимые вещи в дорогу. Вылет полуденного рейса в Малагу, по своевременно сообщённой помощником информации, перенесли на вечер, потому-то и оказались в распоряжении Татьяны несколько свободных часов – случай чрезвычайный в условиях её обычно напряжённого дневного графика.

В одном из отелей Эстепоны её уже ожидал клиент, намеревавшийся приобрести виллу на побережье Коста-дель-соль, стоимостью чуть больше миллиона евро. По меркам компании, которую представляла Татьяна, привыкшая к перелётам на «смотрины» частными бор-тами, предстояла весьма скромная сделка...

* * *

Какие жизненные перспективы открываются перед семиклассницей, старшим ребёнком в простой семье работников железной дороги, в условиях развернувшегося в стране строительства «дикого» капитализма? Когда отец, сцепщик на сортировочной станции, заявляется вечером, с трудом ориентируясь в пространстве, да не с пустыми руками, а с недопитой бутылкой водки. Мать же, разнорабочая, также изрядно принявшая, после смены переложив домашние дела и заботы о младших членах семьи на дочь-подростка, с нетерпе-

нием ожидает возвращения «кормильца» в надежде составить тому компанию на «тридцать капель». Потом, как водится, пьяный трёп на повышенных тонах, брань, переходящая зачастую в неуклюжую схватку сильно нетрезвых немолодых уже людей.

Легко Людмиле, школьной подруге, с которой они неразлучны с первого года обучения, неустанно талдычить: «надо учиться дальше!» Может, оно и взаправду «надо бы», только вот как? У Людки всё распланировано наперёд, потому что дома тишь да гладь. Все непьющие, можно сказать. Отец, директор автопарка, и в прежние времена не бедствовал. Мать доктором работает, без заработка, небось, при любой власти не окажется – хворые-то всегда найдутся! А у неё – тоска. Дома приберись, младшеньких накорми, выкупай, спать уложи. До учебников ли тут? В общем запустила она уроки, кое-как, с пято на десято, седьмой класс окончила и решила – всё, хватит Золушку ломать в отчем доме! Пойдёт своим путём. Любой ценой добьётся, чтобы и у неё – всё, «как у людей» в жизни было.

А как раз на её удачу, в подвале на соседней улице кооперативный цех начал работать. На фасовку готовой продукции требовались руки. Дело не хитрое – стой у чана, мерной ложкой из него густое варево черпай, да аккуратно баночку заполняй. Потом пригладь, сняв излишки, да на баночку крышечку навинти, и в коробку в ряд готовых поставь – вот и вся технологическая операция. Каждая минута – баночка готова. Норма за смену – полтысячи штук. Поначалу не справлялась, но к концу первой трудовой недели наловчилась, без особого напряжения с планом совладала. Заработок не велик, однако ей, неизбалованной, богатством показался.

Первым шагом взрослого трудового бытия стал бескомпромиссный разрыв с родительским домом. Ушла. По случаю сняла койку у одинокой старухи в том же подъезде, где был вход на «фабрику» – куда уж удобнее! Бабка много не запросила. Пустила в основном за продукты – хлеба, молока да иногда немного колбаски ей купить и в квартире раз в неделю прибраться. Дело знакомое и вовсе не обременительное. Два условия: поздно не являться, гостей не водить, оказались не в тягость. Пошуруешь разливалкой смену, не присев, так вечером не до гулянок. А приводить и вовсе некого, разве что Людку, но это не в счёт.

Год прожила она у бабки, позабыв домашние распри и запах перегара. Получила паспорт, решила отметить это дело. Купила торт, Людмилу пригласила. Уселись они вместе с хозяйкой за стол, втроём чай пить. Разговорились. Бабка-то молча тарасилась, очередной кусок уминая, а они с Людкой одноклассников обсуждали, каверзы, что учителям подстраивали, вспоминали.

В разговоре подруга невзначай упомянула свою тётку, что занялась новым, оказавшимся прибыльным, делом, оставив прежнюю работу в НИИ. В тот вечер впервые прозвучало незнакомое до того Татьяне слово – риэлтор. Толком не понимая ещё круга обязанностей посредника при заключении сделок с недвижимостью, девушка интуитивно почувствовала всю выгоду участия в процессе и попросила Людмилу, чтобы та свела её с родственницей.

Так Татьяна на последующие три года стала помощником маклера. Начав с выполнения нехитрых поручений сотрудника на побегушках, благодаря проявившейся вдруг деловой хватке, вскоре она вполне самостоятельно выезжала на встречи с клиентами, осматривала и демонстрировала предлагаемые к продаже квартиры.

Новая работа помимо хороших комиссионных открыла перед Татьяной и иные возможности – знакомства с достаточно обеспеченными людьми, могущими себе позволить приобретение жилья. Унаследованная от матери, некогда первой красавицы в посёлке, эффектная внешность, которую она благодаря журналам научилась подчёркивать добротной одеждой и умеренно наложенным макияжем, неизменно привлекала внимание мужчин. Вскоре она согласилась выйти замуж за переехавшего в столицу с Урала состоятельного господина средних лет, разбогатевшего на перепродаже приватизационных чеков.

Не переставая восторгаться её внешними данными, влюблённый муж не жалел денег и покупал Татьяне дорогие туалеты, украшения. Подарил престижный автомобиль. Однако, выказав вполне объяснимую ревность, потребовал оставить работу. Она не стала спорить, но в роли мужниной жены её деятельной натуре показалось явно неудобно.

Дружить с Людмилой она не переставала и как-то при очередной встрече попросила подругу помочь составить грамотное резюме и разослать по кадровым агентствам. Вскоре появились отклики, но визиты к потенциальным работодателям всякий раз оказывались безуспешными.

Встречая в лице соискателя видную молодую даму, изысканно экипированную, прибывающую на переговоры в дорогом авто, кадровики не понимали, как себя вести с ней. Предложить рядовую должность с обычным испытательным сроком казалось им недостойным, но и ввести неведомого человека «с улицы» в руководящий состав не позволял уровень компетенции. Разумным и оптимальным выходом из положения им представлялось вежливо отказать под надуманным предлогом.

Другая бы опустила руки, смирившись, но не такой оказалась Татьяна. Она вновь и вновь отправляла свою заявку о желании сотрудничать теперь уже непосредственно в крупнейших риэлторских фирмы. Наконец ей повезло.

Так случилось, что в крупном агентстве, куда её пригласили на собеседование, женщину принял не простой работник кадрового аппарата, а вице-президент компании, руководивший направлением сделок с заграничным недвижимым имуществом. Убеждённый на многолетнем опыте, что внешние данные агента при контактах с состоятельными клиентами имеют не маловажное значение, по достоинству оценив этот фактор применительно к визитёру, руководитель предложил Татьяне выказать и свои деловые возможности в новом для неё сегменте деятельности. Ни минуты не сомневаясь, она согласилась.

Как показало дальнейшее, в тот день она прямо-таки вытянула свой счастливый билет. Уже вскоре руководство без колебаний доверяло новому сотруднику сопровождение самых сложных продаж за пределами России, а спустя пять лет она в качестве хозяйки прочно обосновалась в кабинете руководителя департамента элитной зарубежной недвижимости.

* * *

На фоне успешного продвижения Татьяны по карьерной лестнице, дела у супруга шли неважно. Оказалось, что деловыми качествами тот не блистал. Грамотно вложить в столице свалившиеся от спекуляций на малой родине деньги ему также не удалось. К тому же, пристрастившись к азартным играм, он неуклонно приближался к закономерному финалу – полному финансовому краху. Явно завидуя жене, он взял за привычку время от времени устраивать пьяные скандалы, упрекал её в неблагодарности, временами проявлял агрессивность. Знакомую с подобными явлениями по отчому дому, Татьяну выходки мужа не испугали. Для начала она просто переехала от него, сняв приличную квартиру, затем оформила расторжение брака и вычеркнула этого человека из своей жизни с той же лёгкостью, как подобное произошло с её родными.

Хорошо усвоив науку одного из инструкторов, проводивших многочисленные тренинги, к посещению которых она в последние годы питала слабость, о том, что на службе не следует заводить близких друзей, рассматривая коллег в качестве конкурентов, Татьяна по-прежнему оставалась открытой лишь для Людмилы.

Однажды в разговоре с подругой посетовала на отсутствие у неё надёжного «тыла» – семейного союза, мужской поддержки. Искренне удивившись, Людмила высказалась в том духе, что с её-то деньгами и возможностями постоянный мужик рядом и не нужен! Ведь она – самодостаточна!

Продemonстрировав полученные во время общения с психологами познания, Татьяна возразила подруге:

– Тут ты принципиально заблуждаешься! Поверь, мир задуман и устроен так, что в нём объективно доминирует мужское начало. С этим ничего не поделаешь, надо просто вовремя понять это обстоятельство и безоговорочно принять. Тогда всё встаёт на свои места. Присмотришься повнимательнее: подле каждой из нас, даже кажущейся самостоятельно успешной, всегда обнаружится мужчина – отец, муж, любовник, брат... Даже если он не на виду, в тени – поверь, такой существует. Ну, не бывает по-другому! Мужчина – это опора. Пусть не финансовая, но психологическая, даже сакральная. Это – во-первых. А во-вторых, дама моего положения просто обязана быть замужней!

– Почему???

– Видишь ли, дело в той стабильности, что мне полагается демонстрировать руководству, окружению. Моё настроение влияет на работоспособность, от которой в свою очередь зависит благополучие бизнеса. Внешне у меня всё должно быть в полном порядке – дом, семья, здоровье, машина. Никаких изъянов и слабых мест! Так принято в той социальной группе, членом которой я являюсь. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что в подобной ситуации хоть какой-то муж, но нужен.

– Ну, разве ж тебя «какой-то» устроит! Этот этап ты уже проходила. Да и не любой мужик – я имею в виду приличных – согласится на роль приживалки при состоятельной супруге! Но, кажется, я могу тебе помочь! Есть у меня один знакомый, Максим. Не совсем молодой, конечно, но холостой, совершенно не обеспеченный, и – это главное – не бесталаный! Писатель. Познакомить?

– Возможно это именно то, что мне нужно, посмотрим! Договорились. Устрой нам встречу...

* * *

Вечерело. Не заходя к мужу в кабинет, чтобы лишний раз не отрывать того от работы, Татьяна, окинув оценивающим взглядом своё отражение в зеркале, вслед за помощником по дому, несшим её дорожный чемодан, прошествовала к воротам. Шофёр уже прогрел машину. Как всегда вовремя всё было готово к поездке в аэропорт...

Торговка

Рассказ внезапно прервался на полуслове, а мужчина хрипло затянул, страшно фальшивя, некогда бывший популярным мотивчик. Также вдруг, встряхнув нечёсаной шевелюрой, будто отгоняя наваждение, вернулся к повествованию:

– Надо же, как вцепилась песня! Опять, как и в тот день, о чём вам рассказываю. Шагал, значит, просёлком по жару меж шеренг пшеницы и бубнил беспрерывно себе под нос как калика переходной: «Не надо печалиться, вся жизнь впереди...». Откуда вышел и куда путь держал, спросите? Или безразлично вам? Нет, голубчики, потерпите: если уж решил, всё расскажу без утайки.

Возвращался я тогда из лагеря. Из какого-какого! Брови от удивления не поднимайте. Да, из пионерского же, вестимо! Жёнка моя, теперь бывшая, на летние месяцы туда кашеварить подрядилась. Это для того, значит, чтобы нашего сыночка на свежий воздух вывезти из пыли стольного града. Вообще-то она у меня инженер. Мальцу тогда пятый годок пошёл. Дед с бабкой, как с той, так и с другой стороны, желания воспитывать внука не обнаруживали. На папаню, на меня, то есть, как на человека без определённых занятий, взбалмошного, не всегда трезвого, надежды никакой. Вот радетьельница, спасительница наша, своей карьерой институтской и пожертвовала, записавшись на три месяца в лагерную обслугу.

Впрочем, заболтался я с вами, аж горло пересохло – ровно, как и в тот раз. Пора глотнуть...

Сделав пару глотков, мужчина осушил кружку, демонстративно перевернул её кверху доньшком, потряс, облизнулся, с сожалением проводив взглядом упавшую на столешницу каплю, затем продолжил:

– Тогда-то я в сельском магазине, узнав, что автобус, который до станции, лишь к вечеру ждут, затарился двумя полулитровыми бутылками белого портвейна (повезло-то как!). Не торчать же было сиднем на остановке, вот пёхом и наострился. Дорога долгая предстояла, без горючего не осилить!

Выпить-то оно всегда гоже, но не натошак же, с утра пожевать потребно. О закуске, как водится, не подумал. Другого не оставалось, как колоски срывать, лущить, да зёрнами пшеничными птицам подобно насыщаться. Опять же, еда!

Да, теперешние дни – раздолье!

Вот, в былые времена, недруги слухи распускают, за пару колосков на каторгу упекали. Я-то до подобных фантазий не податлив, да и вы не верьте! Брешут. А вот, что заряд соли в зад от объездчика огрести вполне было реально, то знаю наверняка. Пусть на собственной шкуре не испытал, врать не стану, но свидетельствовать о подобных происшествиях с друзьями-приятелями школьных лет основания имею.

Так вот, иду себе, стало быть, за приятными размышлениями да запевками одну тару и опорожнил. Хорошо пошло! Пустую бутылку на виду оставил, положил на обочине возле васильковых зарослей – сорняк, а глаз радуется, взгляд притягивает. Народ у нас бережливый, хозяйственный. Точно, приметит кто-нибудь, подберёт, да с доплатой, естественно, на непочатую обменяет в сельпо.

А тут впереди и рощица показалась. Там, в прохладе под деревьями творческой личности передохнуть самое место. Да не просто истуканом сидячи, а со смыслом: впечатлениями напиваться, рассуждать о бренном бытии нашем, из горлышка прихлёбывая. Впрочем, куда вам, обывателям – не понять прелести ментальной нирваны. Колосков, к слову, припас загодя – не мухомором же зажёвывать!

Отдохнул, выкушал и на станцию поспел в самый раз: электропоезд готовился к отправлению. Поднялся на переходной мост, чтобы на нужную платформу перейти, гляжу – впереди барышня поспешает, ладненькая такая, под тяжестью сумки скособочившись.

Так-то я не шибко боек до случайных знакомств, но тут обстоятельства особые, состояние возбуждённое, от жары, надо полагать. На ходу зацепил ладонью ручку сумки, на себя потянул, буркнув:

– Помогу, а то опоздаешь!

Девчушка недоверчивая попалась, сопит, тужится, но ручку не отпускает, виснет. Пришлось дать дополнительные разъяснения:

– Да, не бойся, не отнимаю богатство твоё! Я тоже на электричку. Давай, поторопимся, не то следующую час ждать придётся!

Тут она сдалась, поверила, должно, в искренность намерений интеллигентного человека, и затрусила следом.

Сели на скамейку, естественно, рядом – багаж-то её у меня под локтем. Помолчали. Знаете, с детских лет люблю в окно вагонное глазеть, и тут не удержался. Когда столбы да берёзки замелькали, прилип к окну, в родные пейзажи вглядываясь. Вдруг слышу:

«Не надо печалиться, вся жизнь впереди. Вся жизнь впереди – надейся и жди!» Сперва опешил, но быстренько сообразил: то уже не внутренний голос, а спутница себе под нос застрекотала, видать вспомнила что-то приятное.

Тут уж я не выдержал, отвлёкся от изучения перелесков, рассмеялся в голос:

– Представляешь, пока шёл к станции, в голове – будто пластинка с песней этой самой крутилась. Как думаешь, просто совпадение или родство душ налицо?

Не помню, что девушка ответила, но разговор полился живой и непринуждённый. Рассказала, что едет с дачи, где родители лето проводят, а ей город более по душе. На естественный вопрос, где проживаю, ответил без задней мысли: на севере, мол. Имея в виду северную часть города, где и находится родительский дом. Но тут же сообразил, что некая двусмысленность получилась, однако конкретизировать не стал, интригу сохранил.

Слово за слово, до интимных вещей дошли. Повела мне новая знакомая, что сбылась, наконец, её давнишняя мечта: приобрела арабскую кровать полутораметровой ширины.

Ну, скажите, может ли нормальный мужик подобные откровения истолковать иначе, как приглашение в гости? Нет, конечно! Так вот и я о том же.

Состав к перрону подкатил, я сумку в охапку, барышню под ручку и рысцой на другую сторону площади, к продуктовому магазину: с пустыми-то руками в гости не пойдёшь!

До начала обеденного перерыва минут десять оставалось, но в дверях уже маячил амбал в грязном халате, отгоняя назойливых просителей. Такие в давние времена порядки были, вам, нынешним, не ведомые.

Я к нему: «смилуйся, мол, добрый человек! Душа горит». Вошёл в положение цербер, допустил к прилавку. Взял на последние бутылку хорошего вина, да конфет шоколадных коробку – самый по тем годам джентельменский набор.

Выхожу радостный – не сбежала, ждёт меня краса-девица с баулом подле ног. Однако не с приятным известием.

– Давай, – говорит, – прощаться. Меня муж дома заждался. – Увидела моё изумление, рассмеялась. – Ты это, про кровать услышав, размышлял? Я же просто так, радостью своей поделилась, без никакого намёка. Ко мне нельзя. Сегодня. А к тебе на Север, наверное, только на оленях и доберёшься?

– Нет, – отвечаю, – можно и городским транспортом. Но тоже неувязка – мамка дома. Ладно, напиши, по крайней мере, номер своего телефона. Может, так сложится, что увидимся!

– «По крайней мере?», – хихикнула, – ладно, подставляй руку, напишу.

Достала из сумочки тюбик губной помады, да на ладони строчку из семи цифр и изобразила:

– Сбереги, – говорит, – до дома, не смажь!

– Ну и чё, сохранил номер-то, – собеседник с мясистыми губами, смачно отхлебнув из кружки, с интересом взглянул на рассказчика.

– Не только сохранил, но и воспользовался. Но – то, как говорится, уже другая песня. Потому, наполнить тару надлежит. Желает кто угостить художника? – крепенький, среднего роста мужичок поднял давно не стриженную сивую голову и нетрезвым взглядом из под кустистых бровей обвёл собравшихся за столиком.

– Момент, Сергеич! – губастый ткнул локтем ближайшего к себе собутыльника, художавого высоченного мужика: – давай-ка, Стержень, сбегай, нацеди пивка Айвазовскому. А я из заначки беленькой плесну в стакан для поднятия духа. Пиво без «прицепа» – деньги на ветер! Прими, мазилка, да вещай дальше!

Сдув пену с возникшей перед ним кружки, хлебнув, Сергеич продолжил:

– Так вот, говорю, домой приехал после такого облома, сами понимаете, никакой. Согласитесь, обидно ведь! Я-то, я её на холсте изобразить во всей красе намеревался, а она...

Но решил твёрдо: добьюсь своего, и на другой же день набрал заветный номер. Утомлять не стану, долгий и не простой разговор произошёл, но уломал-таки. Условились в ближайшую субботу встретиться у метро ВДНХ.

Пришёл, как и положено, с букетом пионов. Битый час впустую топтался у киосков, что подле выхода. Понял – обманула. Куда правильному мужчине в такой ситуации податься? Верно, в пив-бар. По пути решил в «кругляк» заглянуть. Кто, может, помнит, это гастроном такой, недалеко от павильона «Космос». В нём можно было иной раз и приличного винца взять.

Так, значит, захожу в «кругляк» – и к витрине. Ассортимент, стало быть, изучаю. А из-за прилавка голос, точно из иного мира, грудной такой, приветливый:

– Кто же та счастливица, кому вы, молодой человек, такой роскошный букет-то подарить собрались?

Тут только сообразил, что пионы я, дурень, по-прежнему в руке держу, не сподобился избавиться по дороге. А как поднял глаза на источник гласа того небесного, так и пророс к месту: статная, румяная красавица – ну прямо-таки Марья-царевна из сказки! Рука с цветами сама к ней потянулась:

– Да, вот, – говорю, – вам цветочки и нёс!

– Спасибо, – с улыбкой отвечает. – Пионы я очень люблю. Только вот что-то не припомню, когда это мы с вами познакомиться успели!

– А коли до сих пор не довелось, – нашёлся я, – так ведь ещё не вечер! Сейчас и познакомимся. Я, к слову, вольный художник такой-то.

– А меня – Наталья зовут. Заведую этим вот торговым предприятием. Девушка, что этот отдел обслуживает, приболела. Вот мне и пришлось подменить её сегодня за прилавком. Так что побуду до закрытия обыкновенной продавщицей.

Говорит, а сама ласково так улыбается. И глаз сияющих с меня не сводит. Затрепетало у меня в груди, жар по всему телу разлился.

– Что же, Наталья! Погода отличная, погуляю я, пожалуй, до закрытия вашего гастронома по территории. А потом провожу вас до дома. Не возражаете?

– Буду рада. Только зачем же по улице-то шляться. Заходите в подсобку, перекусите пока. Скорее время пройдёт.

Привела Наталья меня в служебное помещение. Колбаски настрогала, хлеба нарезала. Бутылку «Актафы» откупорила, это такое марочное вино креплёное, вроде портвейна. Вы, конечно, и не пробовали его, куда уж!

Покайфовал я в одиночестве, а вскоре и конец рабочего дня наступил. Присоединилась ко мне Наталья, составила, так сказать, компанию. Вот дотемна и просидели, проговорили. Она – о замужестве неудачном, сынке-подростке, без отца обалдуюм растущем. Что до меня – сами знаете, чем павлин в предвкушении «свадьбы» занят – распусканием хвоста, да возвышенным клёкотом.

– Ну, ты и силён, Айвазовский, баб клеить! А прикидывался-то простаком, – перебил рассказчика грузный старик в линялом тельнике, выглядывавшем из под байковой рубахи.

– Умолкни, Боцман, не шухари! – цыкнул на него губастый. – Дай приличному человеку высказаться, не всё вас, шелупонь, слушать!

– Да, чё я, Губошлёп! Клёвый, говорю, мужик – Сергеич-то! Давай, смотаюсь, ещё пивка ему возьму!

– Повремени, друг, – барственно прервал рассказчик суетливого, послушайте, что дальше-то было.

Посидели мы с Натальей хорошо в тот вечер. Персонал по домам разошёлся, и мы, утомившись, в её кабинете на диванчике закемарили. Я всё порывался портрет подруги на обёрточной бумаге написать, а она, шутя, останавливала: «успеешь ещё, куда это от тебя не уйдёт»!

И, видите, как в воду глядела! Закрутили мы с ней всерьёз. Недели не прошло, собрал я пожитки и насовсем к Наталье переехал. Потом, как положено, с женой развод оформил. А с ней расписались. Как в угаре время шло, будто приворожила меня баба.

Рисовать её одну только и мог в те дни. Наталья на работу, а я – малевать её портреты в разных видах, да интерьеров. Некоторые, не совру, совсем неплохо удались. Говорила, подругам дарит. Потом слушок дошёл – приторговывала моими работами по случаю. Я-то не в претензии. Считаю, на её содержании находился. Торговый люд, он ведь никогда не бедствовал! Это уж потом, когда оба на пенсию вышли, как бы сравнялись доходами.

А вот теперь в самую пору и стопарик пропустить. Подхожу я, друзья, к печальным страницам своего повествования.

Художник сделал жадный глоток из стоявшего перед ним стакана, запил пивом, повёл головой, высматривая, чем бы закусить, захрустел приглянувшимся солёным огурчиком. Стоявшие подле стола уважительно ожидали продолжения исповеди.

– Вот ведь, казалось бы, живи – да радуйся! На всём готовом, обихожен, при продуктах. Ан, не тут-то было. Вроде бы и трезвый, а рука нет-нет сама, ни с того ни с сего вдруг начнёт голову пацанчика набрасывать. Да, не какого-нибудь там, «левого», а сына моего, Алёшеньки. К тому дню уже пара годков миновала, как не виделись мы с ним.

Почему, почему?! Да, потому! Натаха не позволяла: «Чем ты ему пособить можешь – ни заработка постоянного, ни смекалки жизненной. Квартиру им, считай, подарил – куда уж больше! У тебя, – говорила, – рядом паренёк растёт, вот и занимайся его воспитанием, художник! У того, твоего, мамка есть, не сирота он. А когда станет старше, в жизни что понимать начнёт, сам прибежит, увидишь. А нет – так то его дело». Перечить такому ведь не станешь, вроде, как и права баба. Уходишь – уходи! Так сам себя и убеждал.

Но чувствам не прикажешь, со временем совсем невольно стало, так охота было повидаваться! Поехал к школе, где сынок обучался. Дождался окончания занятий. Вышел Лёшка мой с приятелями в компании – годков пятнадцать ему уже тогда было. Увидел папаню, сплюнул многозначительно в мою сторону и отвернул брезгливо мордашку.

Не передать словами, как обидно сделалось. Но, в то же время, понятно: заслужил, чего ожидать-то? Хотя, в душе надеялся: со временем поймёт, придёт! Даже к встрече готовиться начал – рисовал от торговки своей втихаря портреты родителей моих покойных, ещё деда с бабкой, да по памяти дом в селе, где те проживали. Показать хочу, лучше слов картины чая-

ния мои передадут Лёшке-то. Чтобы знал корни свои, помнил, чтит. До поры прячу рисунки, будто сглазу боюсь или порчи какой.

Так-то я обычно по Натахиным заказам малюю русалок на пруду среди кувшинок, да чёрных котов громадных, что на купальщиц из вод морских глазают. Говорит, спрос на подобные картинки у её многочисленных дружков, да подружек из заприлавочного мира. Приторговывает. Думает, не знаю! Да, пусть её, хоть какой-то прок от меня семейному бюджету.

– А что приёмный-то твой? – воспользовался паузой губастый. – Признал тебя?

– Так, ведь, подле меня, под моим надзором вырос – как же иначе! До сих пор – свои дети уже имеются, а всё папаней зовёт. А малышня – дедом. Только пусто у меня внутри будто становится, как вижу их. Не моя кровь. Ну, нет отклика! Знаю – не виноваты ребятки. Сам замутил, сам всё испоганил. Понимаю и... зубами скриплю от досады на себя, тогдашнего, но улыбаюсь. Улыбаюсь, и презираю себя за слабость свою давнишнюю.

Сергеич склонил вихрастую голову, упёршись лбом в стойку, и замычал от тоски, мотаясь из стороны в сторону.

Губошлёп и Стержень пожали плечами, не проронив ни слова, выпили, чокнувшись с Боцманом, с непониманием, но сочувственно, глядевшим на сотоварища...

Варфоломеич

С юных годков пристрастившийся к махорке, Варфоломеич не признавал табачных изделий фабричного производства. В середине пятидесятых у него проездом из Казахстана гостевал неделю земляк. Бывший сельский учитель, с которым они заружились в лагере, позже, в ссылке, приобретший квалификацию агронома, оставил ему в подарок пакетик мелких, с маковое зёрнышко семян табака с Чиликских плантаций. Объяснил, когда высевать на рассаду, как и где высаживать на гряде.

Привычный к ведению хозяйства, бобыль проявил смекалку и с тех пор, соблюдая полученные от агронома наставления, обеспечивал себя вполне достойным самосадом и даже немного приторговывал им по-соседски. После разгона колхоза эта статья дохода стала совсем не лишней – жил-то Варфоломеич в основном своим наделом да лесным промыслом, в тонкостях которого кумекал, пожалуй, поболее иных именитых.

...Сентябрь, принёсший ночные заморозки и открытие сезона охоты, был на исходе. Сегодняшний поход оказался долгим, но удачным. За широкой лесополосой, что в восьми километрах от деревни, Варфоломеич взял большущего русака, которого его сеттер Харт, постоянный спутник и партнёр на охоте, столкнул в густой траве на пологом склоне овражка. К избе вернулись под вечер усталые, но с зайцем.

Погода стояла ясная, безветренная. Прислонив ружьё к стене, старик устроился на завалинке, лицом к готовившемуся закатиться за перелесок солнцу. Свернув самокрутку, задумался. Пёс улёгся рядом, у ног хозяина и время от времени поднимая голову, пристально глядел на того влюблёнными глазами.

Из размышлений Варфоломеича вывел гомон приближающихся незнакомых голосов.

До него донеслись обрывки фраз явно вступивших в перепалку двух молодых людей – мужчины и женщины. Сквозь редкий штакетник забора он разглядел две фигуры, направлявшиеся в его сторону: коротко стриженного, крепкого телосложения мужчину среднего роста в кожаной куртке и миловидную хрупкую женщину в джинсовом платье. Женщина о чём-то просила спутника, едва не плача, но тот решительно, несколько грубовато возражал ей.

«Городские, не наши! Дачники припозднившиеся, должно!» – подумал старик.

Когда чужаки поравнялись с избой Варфоломеича, мужчина грубо схватил спутницу за плечо и с силой дёрнул, повернув её к себе лицом.

– Экий строгий у тебя мужик, красавица, не забалуешь! – обратил внимание на своё присутствие при чужой семейной ссоре старик.

– Не «у меня», не мой это мужик, а так себе! – с горечью в голосе отозвалась женщина.

– Так что ж, выходит, супостат привязался? Может, выручать впору? – Варфоломеич шутя потряс берданкой, а верный Харт насторожился.

– Ну, ну, поговори у меня, старый, тебя ещё не хватало, – буркнул незнакомец, оглядев поверх загородки шуплого мужичка с реденькой седой бородкой. – Тоже мне, заступничек сыскался! Да, если случись чего, и ружьё твоё, дед, не поможет!

Варфоломеичу жаль было молодку, жуть как захотелось выручить её, сгладить конфликт. Уловив агрессивность настроения чужака, счёл уместным продолжить разговор с ним ровным, слегка заискивающим тоном:

– Так ты, молодой человек, не кипятись! Я – старичок смирный, да и куда мне с тобой, бугаём, тягаться! Ладойкой ты меня, сморчка старого прихлопнешь, коль до бузы дойдёт. Нешто я и взаправду ружьишком стращать удумал? Будя, отбаловал своё по молодости лет. Так, вроде как палка, под руку попало.

– Дедушка, водички не нальёте, пить очень хочется! – попросила женщина своего негданного избавителя.

– Отчего не налить? Налью, дочка! Да что вы всё там, за плетнём, обретаетесь? Заходите к нам. Коли не торопитесь, сейчас и чаёк сварганю, – засуетился старик.

Спутник женщины так резко распахнул калитку, что пёс от неожиданности вскочил на лапы и завертелся вокруг хозяина.

– Сидеть, Харт, даун! – одёрнул его Варфоломеич. – Гости у нас, самовар впору ставить.

Продолжая перебраниваться, но уже без прежнего ожесточения, молодые люди уселись на освобождённое хозяином место, а тот, сопровождаемый псом, скрылся в избе.

Спустя четверть часа, когда уже смеркалось, старик и его нечаянные гости уселись за стол чаёвничать. Довольный появлением в доме городских, неизбалованный общением Варфоломеич, на правах хозяина начал беседу традиционным вопросом:

– Издалека ли в нашу глухомань пожаловали, люди добрые?

– Я в райцентре проживаю, – отозвалась женщина, – а Игорь у нас столичный житель. Из Москвы приехал.

– Свататься, небось? Это дело! Столичные-то девки неумехи, не в пример нашим.

– Какая у вас собачка знатная, яркая, колер – точно полировка по красному дереву. Я в краеведческом музее буфет такой видела, – увела от неприятной темы женщина.

– Дорогой пёс, откуда он у тебя? – как бы нехотя включился в разговор её спутник, до того угрюмо сопевший.

– Дорогой, не дорогой – сказать не могу. Друг он мне, деньгами такое не измеришь! А подарил мне его щенком один хороший человек. Профессор. Из ваших, столичный. Господь свёл с ним случайно, в поле. На охоте, стало быть. У сестры он остановился, в соседнем селе, пошёл с ружьём бродить, да малость заплутал в незнакомой местности. Вот тогда и встретились. Темнело уже, а к моей избе путь короче лежал. Сюда и пришли. Перекусили, пошумничали по-стариковски. На другую осень он опять к сеструхе приезжал, меня проведаль, да вот Харта и подарил. Сказал, друг, мол, уступил, что щенков заводит. У этого, вишь, какое дело, брачок выявился: круги типа очков вокруг глаз. На выставки там всякие не годится. А мне – не на показ! Пятый годок вместе живём. Умнее, да ласковее существа и не встречал!

Обсудили пса, после чего, как водится, неспешный разговор перешёл на темы деревенского житья-бытья, забот окрестных обитателей. В тепле уютного мирка старого охотника свара между молодыми людьми как-то сама собой угасла. Только женщина нет-нет да окидывала своего приятеля испытующим взглядом, проверяя: унялся ли?

Тот, валяжно устроившись на стуле, больше молчал, оглядывая непривычную обстановку горницы и всем своим умиротворённым видом показывая, что спешить некуда. Наконец, заговорил уже без прежнего задора, решив удовлетворить любопытство старика:

– Да случайно мы в вашей деревне оказались. Решили подальше от цивилизации погулять. Свернули с шоссе на просёлок, он и привёл сюда. Машину на околице оставили, за разговором не заметили, как всё село прошли.

– Ох и бойкий же разговорчик-то у вас, люди добрые сложился! – вставил слово старик.

Света не зажигали, и вся сумеречная атмосфера располагала к откровениям.

– Бойкий, это верно замечено, – усмехнулся Игорь. – А вот рассуди-ка, дед, кто из нас прав, я или Машка, – неожиданно повернул он беседу в другое русло. – Я семьсот вёрст без передыху из Москвы машину гнал, спешил к любимой женщине, с которой давно не встречались. Приезжаю, и что же вижу? Холодный приём, в глазах отстранённость. А ведь с юных лет чувства друг к другу питаем, точно знаю! Еле-еле уговорил, поехать, прогуляться. Предлагаю вместе жить, так говорит, поздно спохватился! Любому, ведь, известно, «лучше поздно, чем никогда»!

– Верно, Игорёк, не безразличен ты мне. Был. С тех самых пор, когда мальчишкой тебя к нам на лето мама твоя, выросшая в нашем городке, привозила. Глаза зажмурю, вижу: как в саду нашем загораем на стареньком одеяле, ты всё за руку меня взять норовишь, а я, радость тая, не противлюсь. Как на реку бежим купаться, да на лодке кататься, – напевный голос Марии наполнился нежной мечтательностью. – Уверена была, встретила близкого человека, всегда теперь рядом будем.

А помнишь, как ты старался понравиться мне? Как-то раз гости у нас собрались. Решили на дальний остров плыть, пикник устроить. Погрузились в две шлюпки. Ты, подросток, – в большой, неповоротливой на вёсла уселся, потому что в ней мы с родителями были. Второй, размером меньше, жених моей старшей сестры управлял, взрослый уже парень. Вроде как соревноваться удумали, кто раньше доплывёт. Ты такое упорство проявил, потом обливался, тужился и всё-таки другую лодку обставил. Устал ужасно, но молодцом держался. А второй гребец после всё жаловался в смущении, будто вёсла негодные попались. Как я в тот день гордилась тобой!

И что же вышло? Не прошёл ты, Игорёк, испытания разлукой. Я – здесь, а ты в своей Москве. Я училась в техникуме, ты в институте. Письма мне писал. Помнишь, в одном даже стишок прислал тобой сочинённый, о том, что никто со мной не сравнится. Потом – как отрезало. Ни слуха, ни духа, ни встреч, ни писем. Узнаю случайно: женился мой суженый! Подцепил в институте кралю, которая, зная, не просто сравнилась со мной, а затмила по всем статьям. Правда, что ли?

– Да не так всё, не так! – смертная тоска прозвучала в голосе Игоря. – Совершенно случайно в компании подвернулась деваха. Выпили, вышли покурить на лестничную площадку. Потянуло друг к другу, понимаете! Поцеловались. Пошёл провожать. Дальше – больше. Да, сам, дед, знаешь, как это у молодых случается. Попросту говоря, плоть выиграла. А подруге с холодным разумом только того и надо: после нескольких бурных встреч объявила, что продолжение может быть, если поженимся. Как в горячке метался, повёлся.

Однако, полгода не прошло, как понял: не любовь то была, а страсть. Не от Бога, а наоборот. Быстро схлынула напасть. Тошно стало, ушёл в загул, неделями дома не ночевал. Но и от того успокоения не обрёл. Теперь же, спустя время, осмотрелся, никого кроме Машки и не любил, оказывается. Пусть не сразу, но собрался ведь, приехал к ней! А она...

– Собрался, приехал! А, может, кто есть у меня? Что же думаешь, все годы одна жила, милого дружка-изменщика оплакивала, да судьбу свою нескладную!? Где такое видывал?

– Нет у тебя никого, нет, я точно знаю! Откуда уверенность такая, спросишь? Да от сестры твоей. Как-то в отчаянии написал ей письмо. Тебе-то не решился, совестно было! Так, мол, и так, виноват перед Машкой. Знаю, что подлец. Наверное, забыла дружка юности, семья у неё?

Ответ получил немногословный. Да и что с таким аморальным типом обсуждать? Но основное из тех нескольких строк уяснил: одинока ты. Долго не рассуждая, сообщил жене, что расстаёмся, на развод подаю, собрался и к тебе приехал. Знаю, не будет жизни без тебя! Что, прогонишь?

– Гнать я тебя, Игорь, не стану. Но ты только не пиратничай, нахрапом не дави на меня. Не могу просто так вот, с маху решиться. Выслушала я тебя, думаю, поняла. Долго, уж очень долго тебя не было. Свыклась я с мыслью, что навсегда расстались, и чуда не ждала. И вот, на тебе, явился, не запылелся! Как ни старайся, в те дни нашей юности не вернуться, другими мы стали. И ты, и я. Надо друг к другу присмотреться, чтобы большой ошибки не совершить. Ты уже один раз очертя голову в омут бросился, и что вышло?

Варфоломеичу, до того не встречавшему в выяснение отношений между молодыми гостями, показалось, что разговор их заходит в тупик. Прокашлявшись, он пришёл им на помощь:

– Вот ты, Игорь, просил меня рассудить, кто из вас прав. А я так вижу, что оба, но по-своему. Не к случайному человеку ты из Москвы своей поспешал, правда твоя. Первые чувства, они навсегда в душе сохраняются. Однако, жизнь – не забава, за всё платить приходится. Вот и сочти как расплату за своё переметничество то, что Мария, тебя увидев, на шею не кинулась. Себя, обиженного, ты понимаешь, а женщине каково? погоди маленько. Я так сужу, отгадет твоя зазноба, примет тебя. Гляди только, впопыхах дров не наломай! Охолонись. Напор свой для других дел побереги.

Сейчас вон уже, темень на дворе. Коли ехать в город вам нужды нет, ночуйте у меня. Ты, мил человек, отправляйся-ка за автомобилем своим, да к избе его, от греха подальше, и подгони. Места у нас тихие, однако, бережёного – Бог бережёт. А мы с Машенькой стелиться будем.

– Спасибо, дед. Наверное, прав ты во всём. С ночлегом обождём немного. Расскажи, давно ты вдовствуешь? Не заметно женской руки в твоём доме.

– Скажу, коли интерес имеется. История моя простая. Годков-то мне немало – протяну зиму, восемьдесят стукнет. Не вдовый я, бессемейный. Так, видать, было на роду написано.

– Достойной пары себе не встретил?

– Эх, Игорёк, в другое дело. Была у меня душа-девица, Валюшей звали. Росла по соседству. Её родня меня с детства женихом прозвала, а мне то в радость было. Верил: отслужу действительную в Красной Армии, поженимся. По новому закону от тридцать шестого года на службу мне выпадало идти в сороковом, как девятнадцать стукнет. Ан, по-другому всё повернулось.

Обитала в нашей деревне семья Ивана Аверина. Мужик то был серьёзный, крутой. В гражданскую, слышал, партизанил, много душ загубил. Верно, на стороне «красных» заслуги имел, потому как не тронули, когда в колхоз записаться отказался. Так единоличником и жил. Гордился своим хозяйством, на нас, соседей, свысока глядел, голытьбой, да лодырями обзывал. А невдомёк дурьей башке было, что пуп свой рвал, жену да дочерей на работе мордовал только для того, чтобы своих родичей в достатке содержать. Колхозники же, пусть и небогато жили, но всю страну большую кормили. Разница!

Был у Ивана единственный сынок, младшенький в семье, Борька, ровесник мой. Бобкой мы его кликали. Тот не в отца задался. Работал на земле из-под палки. А по вечерам наденет, бывало, красную рубаху, да под хмельком по деревне с гармошкой – девок на танцульки собирать. Под конец гулянки ту, что поговорчивее, с собой уводил. Многих змей перепортил, а всё неймётся. Наскучили безотказные. Приглянулась Бобке Валюша моя – проходу не давал. Раз до крови мы с ним за неё схватились, но не унялся тать, ещё пуще распалился. И сделал своё чёрное дело. Подстерёг, когда лебёдушка моя одна на реку пошла бельё стирать, напал и ссильничал.

Не достало терпежа Вале беды той пережить. День проплакала в подол матери, а ночью в бане удавилась. Я в те дни на дальнем току работал, домой вечерами не вертался. А как узнал про горе такое, споро прибёг, зарядил картечью берданку и к Бобке. Ни о чём другом думать не мог, как изувечить гада. Сыскал, с ног сбил навзничь, ну и жажнул заряд ему в мотню.

Знамо дело, судили. Вместо армии в лагерь загремел. А как война с немцем началась, стал на фронт проситься. Знал, что не положено, а руки чесались. И вот осенью сорок второго уважили мою просьбу, отправили в штрафную роту, где солдаты-дезертиры, да сержанты-паникёры позор с себя смывали. Как водится, вскоре ранение получил. В госпитале оклемался, и снова воевать. На этот раз, как искупивший вину, в строевую часть попал. Прошёл с боями до Кёнигсберга, где выбыл из рядов уже совсем, по тяжёлой контузии.

Вернулся в родные места, где с той поры и пребываю. Валюшу свою до сего дня забыть не могу. Никто мне её не заменит. На фронте память о ней меня сколь раз выручала. Да что

там память, сама, чуть что, во сне, как живая, являлась: «Я, – говорит, – Сеня, тебя оберегу, закрою от пули вражьей. Вспоминай меня, когда неумоготу станет, я и приду на выручку!» Для меня день Красной Армии вдвойне праздник. А как же – Валюшины именины! С её именем свой век и доживаю...

Вскоре молодёжь затихла, а старик зажёл керосиновый фонарь и, стараясь не шуметь, долго ещё колготился в сениях.

... Наутро по-стариковски рано пробуждавшийся Варфоломеич тихо поднялся с лежанки, чтобы не потревожить сон спящей тут же, в горнице, на кровати, Марии. Вышел во двор. Харт, точно на верёвочке, выскользнул за дверь следом. Игорь, остававшийся на ночь в машине, ссутулясь, в задумчивости курил на завалинке.

– Здорово, герой! Что, не спится? – приветствовал его старик.

– Утро доброе, Семён Варфоломеич! Вы правы, совсем не до сна мне сегодня. Спасибо вам за науку. Никогда бы не поверил, расскажи кто, что одна случайная встреча, один ночной разговор так перевернут всё в душе и настроят её на иной лад! Перед Машей ещё повинюсь, докажу ей, в конце концов, что не вертопрах какой. Думаете, поверит, простит?

– А что ж ей остаётся, Игорёк. Погоди малость, сладитесь! Да, когда поедете, не забудьте тушку с собой захватить. Я зайца давеча ободрал, когда вы утомонились. Пусть Мария сготовит, да накормит там тебя обедом по-семейному.

Туристы

Понедельник 5 июля 1965 г. Анапа.

...Простившись с гомоном плацкартного вагона поезда Москва-Новороссийск, от станции Тоннельная друзья проделали путь в тридцать пять километров в салоне душевого автобуса среди баулов и чемоданов курортников, направлявшихся, как и они, в Анапу.

На автостанции их встретил одноклассник Колька, приехавший на море отдыхать с родителями за три дня до них. Собственно, он и подбил Игоря с Борисом на авантюру первого самостоятельного «дикого» курортного вояжа, приведя неотразимый аргумент: перед выпускным одиннадцатым классом разумно набраться сил на море. Через год их потребуется невесть сколько для сдачи школьных выпускных экзаменов и поступления в институт. Вообще, Николай Курочкин слыл рассудительным парнем. Круглым отличником не был, но учился вполне прилично. Как говорится, звёзд с неба не хватал, однако твёрдо знал, чего хочет, и не испытывал сомнений в конечном успехе. Среднего роста крепко сшитый шатен с голубыми глазами бойко брэнчал на гитаре, одерживал победы на районных соревнованиях по лёгкой атлетике и пользовался симпатией со стороны девчачьей половины класса.

– Я тут вам жильё подыскал. Не Бог весть что – сарайчик дощатый в глубине двора. Две койки, между ними столик. Зато отдельный вход, никого за стенкой, свежий воздух и всего-то по десятки с носа за целый месяц. И я рядом, на той же улице через дом. Удобно!

– А со жратвой как? – откинув голову и заведя сцепленные ладони за кучерявый затылок, поинтересовался немногословный смуглолицый Борис, отличавшийся практическим складом ума.

– И об этом подумал, хотя у меня такой проблемы нет – мамка готовит. По пути на пляж есть столовая. Можно поймать момент, когда народу не густо. Дёшево и сердито.

– На рынок не шастал? Что почём там? – продолжал вопрошать Борис.

– Да, всё там есть! Овощи-фрукты – копейки. Давайте, пойдём, я вас к хозяйке провожу. Устроитесь, с дороги отдохнёте, проведу по городу, покажу, что где.

– Не, отдыхать нам ни к чему, – вступил в разговор до того молча озиравшийся по сторонам долговязый Игорь. Вещи кинем, и веди нас на море.

– Хорошо, давайте так! Мамка с батей на пляже, я, как чувствовал, попросил их под навесом часть лавки вещами для нас занять. А то отдыхающих – тьма! Чуть запоздаешь, на песке свободного места не отыщешь, не говоря уже о солярии.

– А девахи приличные есть? – видать по всему, Борис сразу намеревался уяснить диспозицию по всем параметрам..

– Да я что, я же с родичами, как-то не присматривался. Вот теперь вы приехали, немного отвязжусь от своих. Вместе оглядимся!

– Ладно, айда, показывай наши хоромы!

...Час спустя троица двигалась по направлению к пляжу. Впереди, на правах сторожила, Колька, за ним в некотором напряжении ещё не освоившиеся в новой обстановке Игорь с Борисом, дымящие сигаретами.

– При родителях не курите, хорошо? – попросил Николай. – А то подумают, то есть, узнают, что я тоже... иногда.

– Лады! А это что за шалман? – наблюдательный Борис показал на небольшой киоск, у которого толпились отдыхающие, в большинстве своём, мужчины.

– Так это вино местное в розлив продают!

– Пробовал?

– Нет, конечно! Я же всё время со своими. Батя подходил один раз.

– Ну, он-то нам не советчик. Может, с приездом продегустируем? – предложил приятелям Игорь.

– А чё, самое оно, – без раздумий согласился Борис. – А ты как, Колян?

– Да, вы что? Мамка точно учует. Мне только дома чуть-чуть по праздникам позволяют!

– Неужели!? – съехидничал Борис. – Вроде бы от нас не отстаёшь, когда компашка собирается!

– Так это ж совсем другое дело, в Москве-то! Там я домой прихожу – и сразу в своей комнате скрываюсь, вроде как за уроки взялся. Потом – в постель. А к утру всё выветривается.

– Эх, трудна твоя жизнь, бедолага! Будто лазутчик в тылу противника. Ладно, Боб, давай отложим мероприятие на вечер. Чтобы Кольке обидно не было. Выйдем прогуляться – примем по стаканчику, а дальше – всё как в Москве. Явился, шмыгнул в постель, и порядок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.